КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Въ «Русской Старинѣ» за 1885 годъ помѣщено было воспоминаніе г. Н. Берга о Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ въ 1850 году, при чемъ говорится о князѣ В. С. Голицынѣ. Знавъ хорошо князя, насколько можно это человѣку, прожившему въ его домѣ съ 1848 г. по 1855 годъ, я считаю долгомъ откликнуться на статью г-на Берга, который бросилъ на него тѣнь, можетъ быть и неумышленно, но прежде всего незаслуженно.

Почти сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, которое описываетъ г. Бергъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, но не всё же и не всѣхъ она унесла въ вѣчность. Остались въ живыхъ многіе, и если имя князя В. С. Голицына попало въ печать, то желательно, чтобы оно являлось въ истинномъ свѣтѣ, а не въ томъ театрально-пошломъ, какимъ освѣтилъ его г-нъ Бергъ.

Младшій сынъ фельдмаршала князя Голицына, князь Владиміръ Сергѣевичъ *) прежде всего былъ доблестнымъ слугою отечества и престола, а затѣмъ, какъ и всѣ вельможи стараго времени, не чуждался преданій славнаго царствованія Екатерины II-й, когда лѣтомъ устраивался санный путь, и только не ухитрялись сочинить лѣта зимою. Князь В. С. Голицынъ не зналъ мѣры своимъ затѣямъ, на исполненіе которыхъ доставало его богатства; но это не мѣшало ему быть человѣкомъ высокихъ душевныхъ качествъ. Дважды раненный, при взятіи Парижа, тяжело въ ногу и въ одной изъ Кавказскихъ экспедицій, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, въ плечо, искалѣченный князь Голицынъ въ 1848 году оставилъ Кавказъ въ чинѣ генералъ-маіора и, по особой высочайшей милости будучи переименованъ въ чинъ тайнаго совѣтника, поселился въ Москвѣ.

---

*) Князь В. С. Голицынъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорится въ Перепискѣ княжны Туркестановой съ Кристиномъ, былъ внучатнымъ племянникомъ князя Потемкина. Въ немъ и было что-то Потемкинское.—Покойный профессоръ Варшавскаго университета Н. В.—Бергъ (талантливый стихотворецъ) писалъ много, но не всегда вѣрно, про современныхъ ему лицъ. П. Б.

Съ 1837 по 1848 годъ князь Владиміръ Сергѣевичъ находился на службѣ на Кавказѣ и въ 1845 году, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи. Назначеніе это въ ту пору времени было столько же почетно, сколько и важно.

Съ 1838 года успѣхи Шамиля возрастали, въ ущербъ значенію нашему въ краѣ. Даргинская экспедиція, въ которой войска Кавказскаго корпуса въ совокупности съ полками 5-го корпуса, подъ начальствомъ князя Воронцова, понесли сильное пораженіе, подняла Шамиля на высоту небывалую и грозную для нашихъ поселеній. Горскія племена праваго фланга готовы были подчиниться власти Шамиля. Центръ, населеніе котораго составляли Кабардинцы и Карачаевцы, колебался. Выборъ князя Воронцова въ этомъ случаѣ былъ весьма основателенъ. Старинная, родовая аристократія Кабарды съ удовольствіемъ и довѣрчиво отнеслась къ Русскому аристократу-князю, поставленному во главѣ ихъ, и лишь этому обстоятельству въ то смутное время можно приписать полный неуспѣхъ сначала тайной пропаганды Шамиля въ Кабардѣ, а затѣмъ вторженія его съ цѣлью вооруженной рукой подчинить себѣ Кабардинцевъ. Трехъ или четырехъ баталіоновъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ верстъ, не достаточно было даже для обороны, въ случаѣ возстанія Кабарды въ союзѣ съ войсками Шамиля. Отчего же Шамиль отступилъ изъ Кабарды? Конечно не потому, что его догонялъ Фрейтагъ, ибо отрядъ Фрейтага былъ не довольно силенъ для рѣшительнаго наступленія, что̀ и было причиною скорѣе демонстраціи, чѣмъ намѣренія атаковать, и сраженіе на переправѣ черезъ Терекъ у Минарета вышло для Шамиля несчастною случайностью, и обратно для Фрейтага. По крайней мѣрѣ такимъ казался двухъ-недѣльный походъ или правильнѣе—погоня Фрейтага за Шамилемъ. Если же причиною неуспѣха Шамиля въ 1846 году не былъ Фрейтагъ, то безъ сомнѣнія ея надо искать въ самихъ Кабардинцахъ и въ личныхъ отношеніяхъ ихъ князей къ начальнику центра, т. е. къ князю В. С. Голицыну.

Могутъ возразить нѣкоторые, что Кабардинцы издавна извѣстны своею преданностью Россіи; но Азіатская преданность слишкомъ условна для того, чтобы на ней основать увѣренность, и хотя племя Кабардинцевъ по личнымъ качествамъ имѣетъ право на уваженіе, но какъ всѣ восточные человѣки они не лишены легкомыслія и коварства. Вторженіе къ нимъ побѣдоноснаго Шамиля съ многочисленнымъ отрядомъ горцевъ, хотя бы на мгновеніе, но должно было поколебать ихъ связь съ Русскими, значеніе которыхъ въ 1845 году было подорвано. Очень вѣроятно, что Кабардинская аристократія боялась демократическихъ началъ Шамиля и потому враждебно отнеслась къ нему. Ша-

миль, также какъ и Магометъ-Аминъ, относились непосредственно къ народу во имя свободы. Князья и дворяне Бжедуховъ и Натухайцевъ не удержали ихъ въ повиновеніи себѣ, и племена эти подчинились Магометъ-Амину. Также дѣйствовалъ Шамиль въ Кабардѣ, но не успѣлъ ни свергнуть ихъ князей, ни отторгнуть отъ Россіи. Отчего? На это можетъ быть много отвѣтовъ; но самаго дѣла изъ исторіи не выкинешь: оно совершилось при князѣ В. С. Голицынѣ, который пользовался сочувствіемъ населенія.

Главнокомандующій князь Воронцовъ остался, говорятъ, недоволенъ княземъ Голицынымъ за прорывъ Шамиля въ Кабарду. Это было бы справедливо, ежелибъ можно было сравнить Кабарду съ мельницею, границы ея съ плотиною, а князя Голицына съ мельникомъ, по нерадѣнію котораго потопъ прорвалъ плотину и искалѣчилъ мельницу. Но сравненіе это къ дѣлу не идетъ уже потому, что потокъ хотя и хлынулъ, но мельница осталась не только невредима, но и работала попрежнему.

Перехожу къ изображенію князя В. С. Голицына въ семейной, и общественной жизни. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ называетъ кн Владимира Сергѣевича Аполлономъ Бельведерскимъ. Судя по портрету, снятому съ него въ молодости, когда онъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра I-го, это былъ замѣчательный красавецъ. Разсказываютъ, что юный баловень флигель-адъютантъ, однажды нарядившись амазонкою, прогарцовалъ мимо балкона Царско-Сельскаго дворца и обратилъ на себя вниманіе Государя, за что и поплатился арестомъ.

Я зналъ князя уже 60-тилѣтнимъ старикомъ. При колоссальномъ ростѣ и соотвѣтственной полнотѣ, онъ имѣлъ такую величественную осанку, что однажды Москвичи, случайно принявъ его за императора Николая Павловича, прокричали ему ура. Это произошло въ годъ освященія Николаевскаго дворца: ростъ, дородство, осанка и даже генеральскій мундиръ, въ которомъ князь Голицынъ ѣхалъ во дворецъ, ввели толпу въ заблужденіе. При громадномъ ростѣ князь обладалъ такою же силою. Остановить за рессоры экипажъ на ходу, всадить серебряный рубль въ паркетъ какъ свайку, было для него такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ для другихъ сломать тросточку или вбить молоткомъ гвоздь въ доску. Въ семьѣ и обществѣ Голицынъ былъ, какъ говорится, душа-человѣкъ. Не очерствѣвъ до глубокой старости, онъ живо сочувствовалъ всему прекрасному и возвышенному. Бѣднякъ находилъ у него помощь, несчастный утѣшеніе.

Основательно-образованный, знатокъ и строгій цѣнитель словесности, музыки и искусствъ, князь доживалъ вѣкъ въ Москвѣ, покровительствуя талантамъ и соединяя вокругъ себя выдающихся людей.

У него собирались извѣстные литераторы и знаменитые артисты, Русскіе и иностранные. Я помню тамъ графа Сологуба, Н. В. Гоголя и графиню Евдокію Растопчину. Въ громадномъ домѣ его, у Бутырской заставы, можно было услышать и Вьётана, и обоихъ Контскихъ, и Чіарди, и Вурма, и красавицу Фреццолини.

Въ 1850 году посѣтила Москву и Фанни-Эльснеръ. Ей предшествовала молва, и славной балерины, и женщины достойной уваженія. Москва приняла ее съ радушіемъ, расточала ей аплодисменты, цвѣты и множество бриліантовъ. Не зачѣмъ было князю Голицыну подавать сигналъ райку, чтобы аплодировали Фанни-Эльснеръ, какъ говоритъ г-нъ Бергъ. Москва и безъ того готова была отхлопать себѣ руки. Да и было за что. Какая грація и пластичность тѣлодвиженій въ танцахъ, какая скромность, какая выразительная мимика! Фанни-Эльснеръ обладала и талантомъ драматической актрисы. Ея мимика была понятна какъ слова, и «съ ней балетъ, принявъ размѣры драмы, не разъ слезу сочувствія исторгъ».

Г-нъ Бергъ снизошелъ до того, что удостоилъ Фанни-Эльснеръ назвать изящной Нѣмкой. Такой эпитетъ недостаточно выразителенъ. Она была въ высшей степени изящная женщина. Роста нѣсколько выше средняго, стройная, вся соразмѣрная, гордая, она обладала тѣмъ очарованіемъ, которое безотчетно дѣйствуетъ на всѣхъ. Вѣроятно потому въ нее влюбилась и писательница графиня Растопчина.

Пребываніе Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ тріумфовъ. На послѣднемъ спектаклѣ шелъ балетъ «Эсмеральда». Москвичи поднесли ей шелковый калачъ съ драгоцѣннымъ браслетомъ внутри, каменья котораго изъ заглавныхъ буквъ составляли слово «Москва». Поклонники запряглись въ ея карету, и еслибъ не помѣшалъ графъ Закревскій, то и довезли бы ее до гостинницы Дрезденъ, а рядомъ съ нею и князя В. С. Голицына. И если на козла кареты забрался какой-то профессоръ *), то почему же князю Голицыну поставлено въ вину болѣе почетное мѣсто въ каретѣ артистки?

---

*) Это былъ не профессоръ, а тогдашній редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", Хлоповъ. Онъ поплатился за это увлеченіе мѣстомъ, и попечитель В. И. Назимовъ уволилъ его въ отставку, не смотря на то, что Хлоповъ находился въ родствѣ съ ректоромъ Альфонскимъ. Намъ памятны (къ сожалѣнію не вполнѣ) слѣдующіе по этому поводу стихи:

Въ тѣ дни, когда Владиміръ Хлоповъ
Вѣдомостями заправлялъ,
Онъ, не щадя фигуръ и троповъ,
Въ нихъ вздоръ частенько помѣщалъ.
Молчалъ Назимовъ и крѣпился;
Когда же узналъ, что онъ влюбился

Чѣмъ выше поставлена женщина, а въ особенности артистка, тѣмъ больше разсказывается о ней всяческихъ анекдотовъ; но не всякому вранью вѣрять, что и доказала Московская знать, раскрывъ для Фанни-Эльснеръ двери своихъ гостиныхъ. Это честь въ то время небывалая, такъ какъ, по взглядамъ большинства, съ понятіемъ объ артисткѣ соединялось и убѣжденіе, что она падшая женщина. И если Фанни-Эльснеръ снискала себѣ право знакомства съ Московскими дамами-аристократками, то безъ сомнѣнія потому, что кромѣ таланта, она имѣла достоинства всякой порядочной женщины. Въ домѣ у князя Голицына она бывала каждую субботу. Собирались свои, т.-е. тотъ очарованный кружокъ, въ который трудно попасть. Послѣ обѣда иногда составлялись танцы, въ которыхъ принимала участіе и Фанни-Эльснеръ. Съ какою гордостью я разсказывалъ о ней по Понедѣльникамъ, возвращаясь въ институтъ! Я танцовалъ визави съ Фанни-Эльснеръ, я танцовалъ съ нею, она подарила мнѣ цвѣтокъ! Въ глазахъ товарищей это поднимало меня на высоту завидную.

Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы, Фанни-Эльснеръ была на парадномъ обѣдѣ въ честь ея у князя Голицына. На этомъ обѣдѣ присутствовала вся Московская знать и графъ Закревскій.

Семейство князя состояло изъ супруги его княгини Прасковьи Николаевны, урожденной Матюниной, сыновей: Сергѣя, Александра, Владимира и дочери Александры Владимировны. Младшій сынъ князь Владимиръ убитъ въ перестрѣлкѣ съ горцами на Кавказѣ, князья Сергѣй и Александръ умерли. Осталась въ живыхъ только княжна Александра Владимировна, посвятившая жизнь свою и остатки когда-то громаднаго состоянія дѣламъ благотворительности. Княгиню Прасковью Николаевну Москвичи вѣроятно еще не забыли, и за ея высокія душевныя качества, и какъ страдалицу, прикованную къ постели тяжкимъ недугомъ въ продолженіи почти 30-ти лѣтъ.

Отецъ мой докторъ И. Е. Дроздовъ вырѣзалъ князю Владимиру Сергѣевичу изъ плеча горскую пулю.

Въ Иродіаду нашихъ дней:
Онъ былъ ужасно озадаченъ
И дольше вытерпѣть не могъ.
Тутъ имъ въ редакторы назначенъ
Санскритологъ и филологъ,
И онъ газету поднялъ славно...

Этимъ новымъ редакторомъ и былъ М. Н. Катковъ, передъ тѣмъ профессоръ логики и психологіи (каѳедра эта въ 1819 году была упразднена къ глубокому прискорбію слушателей высоко-даровитаго и симпатическаго профессора). П. Б.

15-го Іюля 1848 года, въ день св. Владимира, князь передъ отъѣздомъ съ Кавказа справлялъ свои имянины; это было въ Пятигорскѣ. Мѣстомъ празднества выбрана поляна на подошвѣ Машука, близъ знаменитаго привала. На полянѣ этой были разбиты шатры и палатки, драпированные зеленью и цвѣтами. Для танцующихъ настланъ полъ. Веселились до упаду. Празднество закончилось фейерверкомъ, который устроилъ для князя начальникъ крѣпостной артиллеріи въ то время на Кавказѣ генералъ-лейтенантъ Семчевскій. Удачно выбранная мѣстность, дивная южная ночь, силуэты горъ, вырисовывающіеся на горизонтѣ, все это гармонировало съ настроеніемъ гостей радушнаго и ласковаго князя - имянинника. Чудная, памятная ночь, а для меня въ особенности, и вотъ почему: въ кружкѣ дамъ, рядомъ съ моею матерью, сидѣлъ князь; я вертѣлся около; вдругъ князь подозвалъ меня къ себѣ и, обращаясь къ матери, произнесъ: «У меня есть просьба къ вамъ, Мареа Николаевна; отдайте мнѣ моего крестника, вмѣстѣ съ заботою о его будущности. Даю вамъ слово, что онъ будетъ мнѣ также дорогъ, какъ бы родной сынъ, и даже дороже. Хочешь ѣхать со мной въ Москву? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Подумайте, Мареа Николаевна, и помните, что исполнивъ, мою просьбу, вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе». Хотя и вполнѣ неожиданно, но предложеніе было сдѣлано такъ искренно, честно и съ такимъ чувствомъ, что мать моя согласилась. Личныя ея отношенія къ супругѣ князя, жившей въ то время уже въ Москвѣ, были настолько дружескія, что думать, конечно, было не о чемъ.

Случай этотъ весьма характеренъ. Это не капризъ вельможи, швыряющаго деньги. Обязательство, принятое имъ на себя и честно исполненное, обличаетъ истинно-добраго человѣка, который сторицею благодарилъ за оказанное ему врачебное пособіе.

Добрыя дѣла, на которыя князь Владимиръ Сергѣевичъ былъ весьма щедръ, и покровительство талантамъ обходились ему, конечно, дорого, и отъ огромнаго состоянія его осталось очень мало; но, господа, чтобы бросить камень, надо имѣть на это право, и много ли найдется изъ прожившихся богачей такихъ, которые прожились съ меньшимъ эгоизмомъ, чѣмъ князь Владимиръ Сергѣевичъ? Да, наконецъ, какая бы это была тоскливая жизнь, еслибы всѣ только наживали и никто не проживалъ? Князь былъ Русскій человѣкъ, да при томъ еще и бояринъ. Не прижаться же ему, подобно Нѣмецкому аптекарю, у котораго и поцѣлуи женѣ разсчитаны и размѣрены? Обѣдъ, да такой обѣдъ, чтобы и извѣстный Московскій гастрономъ Рахмановъ облизался; пиръ на весь міръ, гостямъ всего вдоволь, и хозяйскаго ра-

душія, и ласки, и угощенія. Кушай въ волю, да и съ собою захвати, чего можно наложить въ карманы.

Еще до назначенія начальникомъ центра Кавказской линіи, князь однажды въ Пятигорскѣ устроилъ балъ надъ кратеромъ угасшаго вулкана. Сотни рабочихъ построили прочный полъ надъ проваломъ, отлогости горы задрапировали временными цвѣтниками, а внутренность и дно провала, куда желающіе могли спускаться на креслѣ, были великолѣпно иллюминованы. Затѣя оригинальная, но эффектная.

Въ другой разъ, въ Пятигорскѣ же, въ день своихъ имянинъ, князь сдѣлалъ балъ въ Казенномъ саду. По аллеямъ и на площадкахъ были настланы полы. Въ углубленіяхъ аллей разбили шелковые и ковровые шатры для дамъ, а для мужчинъ палатки. Въ уборныхъ, въ случаѣ надобности, дамы могли найдти всѣ принадлежности туалета, начиная съ духовъ и оканчивая башмаками. За отсутствіемъ семейства князя, хозяйкою бала была извѣстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова.

Многіе скажутъ, что всё это барскія затѣи на счетъ крѣпостнаго пота. Въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, такъ; но и въ пору крѣпостнаго права, князь Владимиръ Сергѣевичъ къ своимъ многочисленнымъ крѣпостнымъ относился вполнѣ по-человѣчески. Онъ былъ слишкомъ уменъ, образованъ, честенъ и справедливъ, чтобы подобно многимъ поставить свое право въ состояніе невмѣняемости. Ни съ кого онъ не дралъ и никого не жалъ. Его большая дворня, кромѣ содержанія, получала и жалованье. «Я достаточно богатъ, говаривалъ онъ, чтобы платить людямъ, которые служатъ мнѣ».

Старое старится и умираетъ. Многихъ, многихъ съ тѣхъ поръ не стало. Давно нѣтъ и князя Владимира Сергѣевича, пріютившагося въ Москвѣ на Міюскомъ кладбищѣ. Миръ праху твоему, незабвенный, хорошій, добрый человѣкъ, и я увѣренъ, что оставшіеся въ живыхъ и знавшіе тебя, прочитавъ эти строки, вспомнятъ твою хлѣбъ-соль, твою ласку, и помянутъ тебя добрымъ словомъ.

Доброе старое время, говоритъ съ сарказмомъ новый человѣкъ. Судъ скорый, но не правый, и чтобы произнести его справедливо, надо быть, если не лучше, то по крайней мѣрѣ, не хуже прежнихъ людей. Глядимъ мы слишкомъ впередъ, какъ будто прогрессируемъ, стараемся всё утилизировать и, въ заботахъ о будущемъ, потеряли настоящее, а къ прошедшему относимся съ отвращеніемъ. А лучше ли отъ этого жить?..

Иванъ Дроздовъ.